

Статья Богатырева и Якобсона о фольклоре как особой форме творчества: как это по-русски?

Михаил Л. Лурье

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия, mlurie@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена впервые публикуемому русскому авторскому тексту работы П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона «Фольклор как особая форма творчества», до настоящего момента известной на русском языке в переводе с немецкого. На основе опубликованных и не публиковавшихся ранее архивных документов (переписка, протоколы заседаний, редакционные материалы) реконструирована история несостоявшейся публикации этого теоретического манифеста в сопровождении дискуссионных отзывов советских ученых, которую Юрий Соколов планировал осуществить в журнале «Художественный фольклор» в 1930 г.

Другая часть статьи посвящена текстологическому анализу. Свою работу, вышедшую на немецком, Богатырев и Якобсон изначально писали по-русски, что позволяет говорить о ее общеизвестном русском тексте как об обратном переводе. Вместе с тем текст, направленный авторами в советский журнал, изначально несколько отличался от текста, предназначенного ими к переводу на немецкий для публикации в фestschrift в честь профессора Схрайнена (1929). В свою очередь, через сорок лет перевод с немецкого на русский (1971) был сделан не по этой публикации, а по второй редакции немецкого текста, подготовленной для собрания трудов Якобсона (1966). Сопоставление двух русских и двух немецких вариантов позволяет увидеть, как на каждом из этапов накапливались изменения, определившие ряд незначительных, но выразительных расхождений между оригинальным и переводным русскими текстами этой влиятельной работы.

Ключевые слова: теория фольклора, советская фольклористика, Петр Богатырев, Роман Якобсон, Юрий Соколов

Для цитирования: Лурье М.Л. Статья Богатырева и Якобсона о фольклоре как особой форме творчества: как это по-русски? // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 1. С. 132–153. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-132-153

Bogatyrev and Jakobson's article on folklore as a special form of creation: How is that in Russian?

Mikhail L. Lurie

*Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom),
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia;
European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia, mlurie@inbox.ru*

Abstract. The article is dedicated to the first-ever publication of the Russian-authored text by P.G. Bogatyrev and R.O. Jakobson, “Folklore as a Special Form of Creation”, previously only known in Russian through a translation from German. Based on both published and previously unpublished archival documents (correspondence, meeting minutes, editorial materials), the history of the unfulfilled publication of this theoretical manifesto is reconstructed, along with the discussion responses from Soviet scholars, which Yuri Sokolov planned to carry out in the journal “Artistic Folklore” in 1930.

Another part of the article is devoted to textual analysis. The work by Bogatyrev and Jakobson, initially written in Russian and later published in German, allows us to consider its widely known Russian text as a reverse translation. However, the text submitted by the authors to the Soviet journal initially differed slightly from the text intended for translation into German for publication in the Festschrift in honor of Professor Schreiner (1929). In turn, forty years later, the translation from German to Russian (1971) was made not based on this publication but on the second edition of the German text prepared for Jakobson's collected works (1966). A comparison of the two Russian and two German versions allows us to see how changes accumulated at each stage, resulting in a series of minor but meaningful discrepancies between the original and translated Russian texts of this influential work.

Keywords: folklore theory, Soviet folklore studies, Petr Bogatyrev, Roman Jakobson, Yuri Sokolov

For citation: Lurie, M.L. (2024), “Bogatyrev and Jakobson's article on folklore as a special form of creation: How is that in Russian?”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 1, pp. 132–153, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-132-153

1. Русский текст статьи как факт

Каждый российский фольклорист знает, что программная статья П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона «Фольклор как особая форма творчества», ставшая для отечественной фольклористики теоретическим манифестом структурно-функционального подхода, была опубликована авторами на немецком языке в 1929 г. («Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens») [Bogatyrev, Jakobson 1929], а русскоязычной академической аудитории знакома в более позднем переводе на русский с немецкого.

Далеко не столь общеизвестен тот факт, что в то же самое время, на рубеже 1920–1930-х гг., эта статья предполагалась к публикации в советском журнале на русском языке, причем с иным заголовком – «Фольклор как проявление коллективного творчества». На этот эпизод в свое время указала В.А. Бахтина в монографии о братьях Соколовых. Как сообщает исследовательница, «под таким названием статья была прислана в журнал “Художественный фольклор” и предназначалась для подготовленного, но не увидевшего свет его очередного выпуска (№ 6–7)» [Бахтина 2000, с. 82]¹. После этой несостоявшейся публикации в советском фольклористическом журнале судьбы двух разноязычных версий статьи разошлись, как вскоре разошлись и биографические пути двух ее авторов. Авторский русский текст статьи затерялся в редакционных бумагах прекратившего существование журнала. Немецкий текст был перепечатан в 1966 г. в фольклорном томе избранных трудов Якобсона [Jakobson, Bogatyrev 1966a]. Спустя пять лет в сборнике работ Богатырева статья вышла на русском языке в переводе с немецкого, выполненном Б.Л. Огибениным [Богатырев, Якобсон 1971]. Вероятно, не без влияния републикации в яacobсоновском собрании в 1960-е – 1980-е гг. было опубликовано, помимо русского, еще больше десяти переводов статьи на разные языки². Таким

¹ Далее В.А. Бахтина рассматривает реакцию на эту статью Ю.М. Соколова (на материале его примечаний к тексту, а также последующих выступлений и публикаций) в контексте актуальных для него в тот период представлений о природе фольклора, методологии фольклористики и ее месте на карте гуманитарных наук. Еще одно упоминание о неосуществленной публикации статьи на русском см.: [Бахтина 2015, с. 374, сноска 1].

² Статья вышла на венгерском (1967), итальянском (1969 и 1985, в разных переводах), чешском (1971), сербском (1971), французском (1973), шведском (1974), испанском (1977), английском (1982), иврите (1986) (см.: Roman Jakobson, 1896–1982: A complete bibliography of his writings / comp. and ed. by St. Rudy. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990.

образом, вошедший в научный оборот русский текст этой работы появился в ряду ее многочисленных переводных версий.

Что же касается исходного русского текста, вышедшего непосредственно из-под пера Богатырева и Якобсона, то он не был известен академическому миру. Более того, судя по листу требования архивного дела, практически никто из фольклористов не знал о самом факте его существования (за исключением В.А. Бахтиной, ее ближайших коллег и самых внимательных читателей). Случайно обнаружив русскоязычную авторскую машинопись знаменитой статьи в процессе архивных поисков совсем других материалов, мы сочли правильным сделать этот текст достоянием ученого сообщества.

Такое решение, признаемся, было принято не без колебаний. С одной стороны, последствием публикации может стать известное неудобство от соприсутствия в научном поле двух очень близких, но текстуально не совпадающих версий одной и той же работы. К тому же работы не просто известной, авторитетной и востребованной, но имеющей в отечественной фольклористике статус классического теоретического сочинения: классике, как известно, подобает канонический текст. Разумеется, мы тем более далеки от идеи, что с этого момента вся русскоязычная фольклористика должна отказаться от работы с привычной версией текста статьи и использовать исключительно публикуемую ниже, как «более подлинную» и «более авторскую». С другой стороны, всякий документ, вышедший из-под пера классика (а тем более сразу двух), согласно тем же культурным конвенциям, представляет самодовлеющую ценность и подлежит предъявлению миру по меньшей мере в качестве артефакта (надо признаться, что и автор этих строк не избежал фетишистского трепета, листая страницы с правками и добавлениями, сделанными рукой Якобсона в пражский период его жизни). Иными словами, эта публикация привносит частицу нового знания не в историю идей, но в историю науки.

2. Русский текст статьи как архивный документ

Статья Богатырева и Якобсона представляет собой машинописный текст на 17-ти листах, который не составляет отдельной единицы хранения, а располагается в составе объемной папки (23 документа, 405 листов), озаглавленной «Статьи для журнала

Р. 10–11); в якобсоновской библиографии Ст. Руди не учтен еще один английский перевод – [Jakobson, Bogatyrev 1980].

“Художественный фольклор” под редакцией Соколова Ю.М. №№ 6, 7» и датированной 1930 г.³

Помимо собственноручных подписей П. Богатырева и Р. Якобсона, поставленных на последнем листе, машинопись содержит достаточно многочисленные рукописные доработки текста, выполненные черными чернилами. Все они сделаны Якобсоном и представляют собой, во-первых, сноски, вписанные от руки внизу страниц; во-вторых, иноязычные слова и словосочетания на латинице (например, фр. *poètes maudits*, нем. *gesunkenes Kulturgut*, лат. *contradiction in adjecto* и др., а чаще других, конечно, *langue* и *parole*), для которых в большинстве случаев заранее предусмотрены пустые промежутки в строке; в-третьих, вставки и исправления в тексте. Последние нечасты, невелики, отчетливы (что позволяет в каждом случае исключить сомнения на предмет авторской воли), но не содержат ярких следов богатыревско-якобсоновской творческой кухни, которые могли бы дать достойную пищу для интерпретаций современным исследователям⁴. Исключение составляет одна лексическая замена в названии статьи: в изначально напечатанном варианте «Фольклор как продукт коллективного творчества» слово *продукт* зачеркнуто и сверху надписано: *проявление*. Уточняющая логика этой редактуры кажется прозрачной: предметом теоретической аргументации в статье является именно феномен коллективного творчества, и фольклор в этой связи интересует авторов не как готовый продукт этого творческого процесса, а как реализация его принципов и механизмов, то есть не как результат коллективного творчества, а как его воплощение, или форма. Именно это последнее слово использовано в названии немецкой версии статьи, и остается домысливать, что заставило Богатырева и Якобсона в русском тексте подбирать ему альтернативу. Вместе с тем замена звучной, но туманной формулировки «особая форма творчества» на более скучную, но и более содержательную «проявление коллективного творчества», как можно предположить, была призвана сообщить названию статьи не только бóльшую теоретическую, но и полемическую заостренность.

Кроме элементов авторской редактуры, на некоторых листах присутствуют записи, выполненные Ю.М. Соколовым. В основном это содержательные комментарии к отдельным фразам, вписанные карандашом на полях; некоторые из них зачеркнуты, некоторые взяты в скобки.

³ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 327–343.

⁴ Впрочем, легко вообразить, например, такую статью: «К истории использования латинизмов в русском академическом письме: почему Якобсон заменил *ляпсус* на *lapsus*?».

Помимо этих маргиналий, рукой Соколова на первом листе под названием статьи чернилами вписаны инициалы и фамилии авторов, а в конце названия в верхнем регистре поставлен знак сноски ⁹. При этом сама сноска внизу страницы отсутствует, а нумерация авторских постраничных примечаний в тексте статьи также начинается с единицы. Ответ на вопрос о том, что предполагал редактор журнала поместить в этой «нулевой» сноске, содержится на листе в клетку блокнотного формата, следующем в архивном деле за машинописью статьи. На нем записан текст, который должен был в формате сноски предварять публикацию статьи, о чем свидетельствуют поставленный перед ним тот же знак **1)** и формулировка: «редакция считает нужным *вперед* заявить» (курсив наш. – М. Л.)⁵. Это редакционное заявление, о содержании которого речь пойдет ниже, написано рукой Соколова и подписано подчеркнутыми инициалами Ю. С.

3. Русский текст статьи как эпизод в истории фольклористики

Наиболее ранний источник, в котором идет речь о планах публикации статьи в «Художественном фольклоре» и который, по всей вероятности, хронологически близок к моменту первоначального обсуждения этих планов между ее авторами и редактором журнала, датирован 24 октября 1929 г. Это письмо Якобсона, адресованное Ю.М. Соколову и содержащее, помимо прочего, следующий фрагмент: «Очень Вам признателен за Ваши четкие замечания по поводу нашей статьи о фольклоре. Что ж, дискуссия, так дискуссия. Будем очень рады принять в ней участие. Здесь у нас уже ряд сторонников и ряд противников. Только об одном Вас очень просим: напечатайте в «Художественном фольклоре» статью целиком, но не по тому экземпляру русского текста, который мы послали Валентине Александровне, а по другому, который мы Вам на днях пошлем»⁶.

Следующее письмо, судя по затронутым в нем темам, было отправлено Соколову через несколько дней – в конце октября или в первых числах ноября 1929 г. Оно не датировано и, в отличие от большинства писем Якобсона того периода, напечатанных на бланке журнала «Slavische Rundschau» с его персональным штампом, написано от руки на сложенном вдвое листке бумаги.

⁵ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 344.

⁶ Там же. Ед. хр. 2088. Л. 10, 10об. (см. также: [Бахтина 2015, с. 373–374]).

Обе эти детали объясняются тем, что письмо, очевидно, представляет собой записку, вложенную в пакет с машинописью статьи – той самой, которой посвящена эта публикация: «Дорогой Юрий Матвеевич. Где ответ? Где статья для *Rundschau*? Посылаем Вам исправленный рус<ский> текст нашей статьи о фольклоре. Просим напечатать в Худ<ожественном> Фольклоре без сокращений, ибо голландский сб<орник> едва ли есть в М<оскве>, а без полного текста статьи научная дискуссия едва ли возможна. Кого Вы намерены привлечь к дискуссии<?> Мы, со своей стороны, очень просим Вас о привлечении Шпета и Зеленина. Надеюсь, и Валентина Александровна выскажет в печати свои интересные соображения. Прошу Вас передать ей сердечнейший привет»⁷. Приписка Богатырева (они часто встречаются в письмах Якобсона Соколову) также касается статьи, ее текущего и предстоящего обсуждения: «Дорогой Юрий Матвеевич! Посылаем статью. Из иностранных ученых с большой похвалой о нашей статье высказались и с нашими положениями согласились проф. Геземанн, проф. Схрайнен (Голландия), проф. Мошинский и профессор К. Мейер. С нетерпением ждем рецензий русских ученых. <...> Преданный Вам П. Богатырев»⁸.

Из писем видно, что предложенный Соколовым дискуссионный формат волновал авторов и что обсуждение их теоретических положений коллегами из советской академии виделось участникам переписки как публичная дискуссия, имеющая состояться на страницах того же журнала, где будет напечатан русский текст статьи. Очевидно, что публикация статьи и отзывов на нее не могла ожидаться раньше следующего, 1930, года – хотя бы по той причине, что на момент переписки только вышел двоянный том «Художественного фольклора» за 1928 и 1929 гг. (№ 4–5). Считая работу Богатырева и Якобсона важным событием на теоретическом поле современной фольклористики и своего рода методологическим вызовом, Соколов счел нужным обсудить статью с московскими фольклористами по горячим следам ее публикации⁹. Кстати, учитывая сомнения Якобсона по поводу

⁷ Там же. Л. 11. (см. также: [Бахтина 2015, с. 375]).

⁸ Там же. Л. 12 (см. также: [Бахтина 2015, с. 375]).

⁹ Обсуждение началось 7 октября 1929 г. (у В.А. Бахтиной ошибочно указано 17 октября [Бахтина 2000, с. 113, примеч. 15]) на заседании фольклорной подсекции Государственной академии художественных наук с участием «членов и сотрудников ГАХН» и «приглашенных товарищей» и оказалась настолько бурным и продолжительным, что «ввиду позднего времени решено продолжение прений перенести на следующее заседание», которое состоялось 21 октября и не уступало первому по живости

доступности «голландского сборника» в Москве, нельзя исключить, что Соколов и его коллеги на тот момент успели ознакомиться с работой не по печатной немецкой версии, а по упомянутому в первом письме русскому тексту, который какое-то время назад был отправлен авторами Валентине Александровне Дынин, жене Ю.М. Соколова.

Если сопоставить даты заседаний в ГАХН – 7 и 21 октября – и дату письма Якобсона, в котором он откликается на идею журнального обсуждения («Что ж, дискуссия, так дискуссия») – 24 октября, то становится очевидным, что эта идея пришла в голову Соколову и была изложена им Якобсону между первой и второй сессиями прений на подсекции фольклора. Более того, поскольку из письма Якобсона не до конца понятно, обсуждалась ли публикация статьи в «Художественном фольклоре» раньше или тоже была впервые предложена Соколовым в предшествующем письме, то вполне реалистичен вариант, что сама мысль напечатать статью на русском языке в своем журнале была подсказана Соколову воодушевившим, а возможно, и растревожившим его московским обсуждением.

Обратим внимание на просьбу авторов статьи привлечь к будущей дискуссии Г.Г. Шпета, выглядящую несколько менее предсказуемо, чем пожелание об участии Д.К. Зеленина – авторитетного и ценимого ими собрата по фольклористическим, этнографическим и лингвистическим штудиям. Напомним, что Шпет, помимо давнего и близкого знакомства со времен Московского лингвистического кружка с Богатыревым, Якобсоном и Соколовым, для последнего на момент этой переписки уже несколько лет был коллегой и в некотором роде начальством по работе в ГАХН, где Соколов с 1923 г. руководил созданной им в составе литера-

дискуссии. В первый день обсуждения Соколов сделал «доклад о работе Р. Якобсона и П. Богатырева “Фольклор – особая форма творчества”», во второй – «Н.И. Кравцовым зачитан содоклад к докладу Ю.М. Соколова: “Фольклористика и литературоведение”». На обсуждениях, согласно спискам и явочным листам, присутствовало до 20 человек, а в дискуссиях, помимо докладчиков, высказывались Б.И. Ярхо, Р.О. Шор, А.М. Смирнов-Кутаческий, Э.В. Гофман, С.И. Минц, Б.Л. Розенфельд и П.И. Калецкий (РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 88–94; у В.А. Бахтиной ошибочно указан другой архивный шифр [Бахтина 2000]). Разбирать линии критики и поддержки положений статьи диспутантами и точки их несогласия друг с другом неуместно в данной публикации, но стоит сказать, что чтение протоколов этих заседаний – весьма увлекательное занятие, не оставляющее сомнения, что работа Богатырева и Якобсона сильно взбудоражила теоретическое воображение советских фольклористов тех лет.

турной секции фольклорной подсекцией (печатным органом которой и был «Художественный фольклор»), а Шпет с того же времени занимал позицию вице-президента. От этой должности Шпет был отстранен решением президиума академии, принятым по результатам заседания 29 октября 1929 г. [Якименко 2005, с. 151] – возможно, в тот самый день, когда Якобсон упоминал о нем в письме Соколову, отправляя статью для печати. Месяцем позже, в письме от 24 ноября, он уже сам просил Шпета об участии в дискуссии: «Ю.М. Соколов собирается, как он писал нам, открыть в “Художественном фольклоре” дискуссию по поводу нашей статьи. Надеемся, что Вы примете в ней участие» [Поливанов 1993, с. 10].

Из первых же строк этого письма становится понятно, почему Якобсон так хотел видеть именно его в числе будущих дискуссантах: «Глубокоуважаемый Густав Густавович. Уже Ю.М. Соколов, когда был в Праге, говорил мне, что моя и Богатырева точка зрения на фольклор очень близка к Вашей¹⁰. Все же мы были очень рады, получив Вашу открытку, свидетельствующую, что наши фольклористические взгляды схожи» [Там же]. Публикатор письма сообщает, что «открытка, посланная Шпетом в Прагу и содержащая изложение его взглядов на фольклор, нам не известна» [Там же, с. 9]. Однако, принимая во внимание дату ответного письма Якобсона (который, судя по всему, был аккуратен и пунктуален в переписке), можно уверенно предполагать, что для Шпета поводом к написанию этой «открытки», специально посвященной изложению общих позиций в понимании фольклора, послужило не что иное, как знакомство со статьей Богатырева и Якобсона, недавно вышедшей на немецком языке и имевшейся в распоряжении Соколова на русском. Было ли прочтение Шпетом этой работы результатом просьбы со стороны Соколова, уже начавшего готовить обещанную дискуссию и отозвавшегося на пожелания авторов к кандидатурам ее участников, нам неизвестно, но и это вполне вероятно.

¹⁰ Соколов посещал Прагу летом 1928 г. (см.: [Бахтина 2015, с. 354, сноска 1], то есть почти за полтора года до этой переписки. Упоминание Якобсоном этих разговоров с ним, из которых ему стало известно о схожести их с Богатыревым и шпетовских «фольклористических взглядов», указывает на то, что задолго до выхода статьи в «голландском сборнике» и планов ее русскоязычной публикации Соколов обсуждал теоретические вопросы фольклора и со Шпетом, и с авторами работы. Об этих пражских теоретических беседах с Богатыревым и Якобсоном упоминал и Соколов и даже считал их в некотором роде импульсом к появлению статьи (см. сноски 16 и 17).

Итак, осенью 1929 г. речь шла о дискуссии, к участию в которой предполагалось привлечь нескольких советских ученых, приглашенных в том числе и по желанию авторов обсуждаемой работы, что заведомо предполагало плюралистический режим дискуссии. Однако со временем планируемый формат журнального обсуждения статьи радикально изменился, что явствует из упомянутого выше редакционного примечания Соколова, которое должно было предварять публикацию статьи: «Придавая большое значение постановке теоретических проблем о специфике фольклора, о границах и задачах фольклористики, о связях и размежевании ее с соседними науками, редакция помещает настоящую статью известного фольклориста П.Г. Богатырева и известного лингвиста Р.О. Якобсона. Но вместе с тем редакция считает нужным вперед заявить, что она в корне не согласна с большинством развивающихся в статье положений формально-лингвистического характера и в следующем номере предполагает дать подробный ответ на нее»¹¹. Этот текст, по всей вероятности, был написан значительно позже осени 1929 г., ближе к предполагаемому моменту сдачи в печать номера. Как несложно заметить, речь здесь идет уже не о «рецензиях русских ученых», которых с нетерпением ожидали авторы, а о «подробном ответе», выражающем консолидированное мнение редакции журнала. Вместе с тем присутствие этого документа в папке с материалами номера свидетельствует о том, что публикация статьи в тот момент все еще предполагалась.

В.А. Бахтина пишет, что публикация и дискуссия не состоялась, поскольку «журнал прекратил свое существование прежде, чем этот номер вышел в свет» [Бахтина 2015, с. 374, прим. 1]¹². История, таким образом, выглядит очевидной: нет журнала – нет публикации. Однако причины, по которой публикация и дис-

¹¹ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 344.

¹² Более резко и исторически фаталистично о перспективе дискуссии говорит К.М. Поливанов, которому в момент подготовки публикации письма Якобсона Шпету не могло быть известно об истории с готовившейся Соколовым публикацией русской версии статьи: «Никакой же дискуссии по статье Богатырева и Якобсона "Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens" (Donum Natalicium Schijnen. Nijmegen – Utrecht. 1929) – одному из первых опытов "структуральной фольклористики" – на страницах гахновского издания, редактировавшегося Ю.М. Соколовым, «Художественный фольклор» естественно состояться не могло. После разгрома ГАХНа издание прекратилось, а Ю.М. Соколов на протяжении 30-х гг. принимал участие главным образом в сугубо политических "дискуссиях" вокруг фольклористики» [Поливанов 1993, с. 9].

куссия не состоялись, очевидно, были не только в прекращении издания «Художественного фольклора». «Чистка аппарата» доказалась до ГАХН в мае 1930 г. и завершилась в июле, решение о предстоящей ликвидации Академии было принято 26 декабря 1930 г., официальное постановление о закрытии в качестве самостоятельной организации и слиянии с учрежденной тогда же Государственной академией искусствознания вышло 10 апреля 1931 г. [Якименко 2005, с. 157–159], а фольклорный кабинет ГАИС, созданный в новой институции на основе фольклорной подсекции ГАХН, был упразднен только в 1932 г. [Иванова 1997, с. 56]. Очередной выпуск журнала – тот самый, в котором предполагалась публикация статьи Богатырева и Якобсона, – был полностью собран и его состав утвержден редактором только к ноябрю 1930 г., на что отчетливо указывает содержимое упомянутой выше архивной папки и открывающее ее «Содержание VI–VII выпуска ж. “Художественный фольклор”» с поставленной Соколовым датой 10/XI 1930 – то есть год спустя после отправки ему авторами для публикации чистовой версии русского текста. Однако следует обратить внимание на то, что из 31 позиции, составляющей «Содержание», 16 вычеркнуты. Кем и из каких соображений было проведено такое прореживание планировавшихся к публикации материалов, нам неизвестно, но среди прочих под нож (точнее, под красные чернила) попала и статья Богатырева и Якобсона. Таким образом, очередной выпуск журнала имел шанс быть напечатанным до окончательной ликвидации занимавшегося его изданием академического подразделения, но и в этом случае статья, «с большинством положений» которой редакция была «в корне не согласна», не стала бы достоянием советской фольклористической аудитории.

По-видимому, именно в 1930 г., когда стало окончательно понятно, что публикация в «Художественном фольклоре» не состоится, Богатырев и Якобсон, хотя и полагали, что «без полного текста статьи научная дискуссия едва ли возможна», сочли нужным опубликовать на русском языке хотя бы экстракт своей статьи. Видя в своих постулатах серьезный теоретический потенциал для теоретико-методологического, а возможно, и институционального будущего фольклористики, ученые не оставляли стремления включить их в дискуссионное поле русскоязычной науки. Публикация состоялась в польском журнале «Lud Słowiński» [Богатырев, Якобсон 1931]. Эта, уже третья версия изложения фольклористических постулатов авторов вышла и с третьим вариантом названия: небольшой текст, состоящий из трех лаконично сформулированных положений, каждое из которых раскрыто тремя конкретизирующими тезисами, был озаглавлен авторами «К проблеме

размежевания фольклористики и литературоведения»¹³. В том же 1931 г. была опубликована статья Соколова под названием «Фольклористика и литературоведение» [Соколов 1931], где он полемизирует с «напечатанной во Франции на немецком языке в сборнике, посвященном голландскому языковеду Шрейнену, статьей русских исследователей П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона» [Соколов 1931, с. 280].

Бросается в глаза не только одновременность публикаций, но и близость их заголовков. Едва ли вероятно, что Богатырев и Якобсон к моменту публикации своих тезисов успели ознакомиться с «ответной» статьей Соколова¹⁴ и намеренно снабдили их «симметричным» названием. Однако сама по себе эта полемическая перекличка заголовков, однозначно перераспределяющих основной акцент дискуссии с вопроса о функциональной специфике фольклора на вопрос о дисциплинарной специфике фольклористики, примечательна и неслучайна. При всей разнице своих теоретических исповеданий и профессионально-карьерных обстоятельств и Соколов, и Якобсон с Богатыревым в это время были всерьез увлечены и озабочены не только обновлением методологической парадигмы социально-гуманитарного знания, но и перекройкой его дисциплинарной карты¹⁵. Более того: и Соколов,

¹³ Впоследствии и этот текст был перепечатан в изданиях работ Якобсона [Jakobson, Bogatyrev 1966b] и, значительно позже, Богатырева [Богатырев, Якобсон 2006].

¹⁴ При этом нельзя исключить, что авторы знали о ней от самого Соколова из непрерывавшейся дружеской переписки с ним, насыщенной сообщениями о текущих трудах и планах (см. № 31–35 (письма за 1930–1931 гг.): [Бахтина 2015]).

¹⁵ При том что концепция фольклора как устного народного аналога литературы сама по себе была далеко не нова, с конца 1920-х гг. Ю.М. Соколов особенно настойчиво сближал фольклористику с литературоведением (поначалу риторически, а впоследствии и институционально) – как считается, не в последнюю очередь ради спасения фольклористики как дисциплины и как профессионального сообщества в условиях стремительно ужесточавшегося политического климата [Путилов 1994, с. 6; Смолицкий 1994, с. 7–9; Бахтина 2000, с. 80–84; Иванова 2009, с. 516, 519; Лурье 2016, с. 274–276]). Работа о «фольклоре как особой форме творчества» была написана раньше наиболее резких и однозначных выступлений Соколова на эту тему, но усиление позиций такого понимания дисциплины и ее предмета в российской академии было уже заметно авторам и подстегивало их стремление к теоретической полемике. Более того, фрагменты переписки дают основание верить Соколову в том, что появление работы Богатырева и Якобсона было непосредственно спрово-

и Богатырев, каждый в своей институциональной и интеллектуальной среде, были не лишены амбиций интеллектуального лидерства на обновленной территории науки о фольклоре.

Была ли статья Соколова тем самым «подробным ответом», обещанным в редакторской преамбуле, которая должна была предварять русскоязычную публикацию? Действительно, в этом тексте он констатирует и разнообразно аргументирует свое несогласие с авторами, которые «делают интересную попытку теоретически обосновать необходимость методологического разграничения фольклористики и литературоведения» [Соколов 1931, с. 280]. В то же время в начале статьи он пишет: «Подробный разбор статьи Богатырева и Якобсона не входит в задачу настоящего моего очерка; этот разбор я постараюсь дать в другом месте (в редактируемом мной журнале «Художественный фольклор»)» [Соколов 1931, с. 280]. Для нашего сюжета здесь особенно интересно то, что в публикации 1931 г. Соколов все еще анонсирует более детальную критику статьи на страницах своего журнала, как и было обещано в черновике редакционного примечания. Это означает, что в тот момент, когда о публикации самой статьи Богатырева и Якобсона

цировано «насколько я знаю, устными нашими беседами на данную тему» [Соколов 1931, с. 280]. Как пишет С.Ю. Неклюдов, в работе П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона «с небывалой дотоле четкостью словесность устная была отделена от письменной, а тем самым выведена “из-под юрисдикции” традиционного литературоведения <...>». В советской науке подобный подход вызывал большие возражения. Показательна в этом плане полемическая статья известного русского фольклориста Ю.М. Соколова [Соколов 1931], который весьма энергично выступил против предложенного разграничения» [Неклюдов 1999, с. 54]. Напомним, что в том же 1931 г. на дискуссии «о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период» Соколов произнес свою знаменитую формулировку: «Фольклор – одна из важнейших областей поэтического творчества, а фольклористика – одна из важнейших частей марксистско-ленинского литературоведения» (Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период // Литература и марксизм. 1931. № 5. С. 92). Его статья завершается той же мантрой, вынесенной в отдельный абзац: «Фольклористика – органическая часть литературоведения» [Соколов 1931, с. 288]. Теоретический манифест Богатырева и Якобсона московский фольклорист использовал здесь не столько как материал для последовательной теоретической полемики, сколько как повод еще раз публично высказаться на важную для него тему, о чем он и сам говорит вполне определенно: «...Не скрою, что именно упомянутая статья <...> внушила мне желание более точно сформулировать мои взгляды по этому вопросу» [Соколов 1931, с. 280].

на страницах «Художественного фольклора» речи уже не шло, для главного редактора вовсе не было очевидно, что ни дискуссии, ни журнала не будет¹⁶.

4. Русский текст статьи как авторская версия

Как следует из приведенного выше фрагмента письма Якобсона, статья на русском языке существовала в двух редакциях – более ранней, которую авторы послали Валентине Дынник, и более поздней, отправленной Юрию Соколову для публикации. Там же Якобсон поясняет, с чем связана просьба не печатать статью по уже имеющемуся тексту, а дожидаться нового варианта, и эта причина состояла вовсе не в намерении авторов учесть «четкие замечания» Соколова и вообще как-то содержательно доработать текст. «Дело

¹⁶ Между тем замысел этой статьи появился у Соколова значительно раньше ее публикации. 13 октября 1929 г. – т. е. приблизительно тогда же, когда Соколов в переписке с Якобсоном и Богатыревым излагал им свои «четкие замечания», – он писал М.К. Азадовскому, состоявшему в редколлегии сборника к 50-летию научной деятельности С.Ф. Ольденбурга: «А сборник в честь С.Ф. объединен одной темой – «сказочной». Неправда ли? Ну, а что если я в сборник пришлю статью на другую тему «фольклористика и литературоведение» (собств<енно> о специфике фоль<клористи>ки по сравнению с литер<атуроведе>нием), тем более что С.Ф. эта тема интересует, он об ней говорил в своем парижском докладе. Моя статья вызывается к жизни появлением недавно не нем<ецком> языке статьи моих друзей П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона, с которыми я горячо спорил по указанному вопросу в прошлом году, в Праге. Я с их позицией (крайне формалистической и «лингвистической») не согласен. Они во что бы то ни стало хотят резко выделить фольклор из литературы, фольклористику из литературоведения. Я специфику фольклора пытаюсь определить иначе, чем они. Иллюстрировать статью постараюсь гл<авным> о<бразом> сказочным материалом. Эту бы статью я написал быстро, т. к. она меня более актуально интересует» (РО РГБ. Ф. 542. Оп. 70. Ед. хр. 46. Л. 3, Зоб.). Сборник в честь Ольденбурга был издан только в начале 1934 г. (едва успев выйти до смерти адресата), а Соколов опубликовал свою работу тремя годами раньше, в сборнике памяти другого академика – П.Н. Сакулина, неожиданно скончавшегося в сентябре 1930 г. Насколько «быстро» после обещания Азадовскому Соколов написал статью, неизвестно, но, скорее всего, это произошло не ранее чем через год с лишним, в конце 1930 г., когда у Соколова снова появилась необходимость срочно дать статью в коллективное издание в честь авторитетного коллеги.

в том, – писал ему Якобсон, – что текст, который у Вас, был просто канвой для перевода на немецкий язык. Он стилистически весьма несовершенен»¹⁷. Таким образом, мы узнаем, что статью, изначально предполагавшуюся для немецкоязычной публикации, Богатырев и Якобсон писали по-русски.

Этот факт, с одной стороны, делает еще более увлекательной языковую историю этой работы и позволяет говорить о находящемся в обращении русском тексте не как о переводе, а как об обратном переводе: переводчик имел дело с немецким текстом, который до этого был русским. С другой стороны, это обстоятельство во многом объясняет исключительную структурную и текстуальную близость оригинального и переводного русскоязычных текстов, бросающуюся в глаза при их параллельном чтении (с чем также были связаны наши сомнения в целесообразности настоящей публикации): «канва для перевода» послужила единым источником и для немецкого текста статьи, и для авторского русского, который мы публикуем здесь. Более того, нельзя исключить, что синтаксис и лексика русской канвы просвечивали в немецкой вышивке.

Тем более интересно наблюдать отдельные лексические расхождения между оригинальной и переводной версиями. Такое сопоставление, само по себе лишённое аналитического смысла (учитывая наличие немецкоязычного звена), позволяет легче увидеть стилистические тактики авторов и понять, в каком направлении они дорабатывали исходный нейтральный текст-канву для русскоязычной аудитории. В частности, бросается в глаза их ненавязчивая, но последовательная игра на стилистических крайностях. От случая к случаю они употребляют то варианты выражений, отдающих речевой архаикой: «вопрос *зачатия* того или иного языкового новшества» («к вопросу о *зарождении* того или другого языкового новшества»), «*иные* особенности этих писателей» («*некоторые* особенности этих писателей»)¹⁸; то разговорную лексику: «*гуртовой*» характер устно-поэтического творчества» («*коллективный*» характер устно-поэтического творчества); «привычные представления эгоцентрически *вчитываются*» («представления эгоцентрически *проецируются*»); «*ходкий* тезис “младограмматиков”» («широко распространенный тезис младограмматиков»); то академические латинизмы, маркеры наукообразия: «рядом с индивидуальным, *партикулярным* актом» («наряду с индивидуальным,

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 2088. Л. 10об. (см. также: [Бахтина 2015, с. 374]).

¹⁸ Здесь и далее везде в примерах курсив наш, подчеркивания авторские, в скобках для сравнения даны параллельные места из переводного текста.

отдельным речевым актом), «нуждается в существенной *ревизии*» («должен быть подвергнут основательному *пересмотру*»), «было бы *эквивокацией* говорить» («было бы *двусмысленно* говорить»); то окказионализмы собственного производства: «о *легендообразных* слухах и сплетнях» («о *родственных легендам* слухах и сплетнях»).

Есть в текстах и незначительные различия содержательного характера, восходящие к тем изменениям, которые были сделаны авторами для немецкого перевода. Прежде всего это касается ссылок на научные работы, которых в исходном русском тексте второе больше. Так, высказывание А.А. Потебни приведено не цитатой, как в исходной русской версии, а в переизложении авторов статьи (ср. на стр. 114 наст. изд. и [Богатырев, Якобсон 1971, с. 375]); вовсе исчезла цитата из Ивана Шишманова и, соответственно, упоминание его имени (ср. на стр. 112–113 наст. изд. и [Богатырев, Якобсон 1971, с. 373–374]).

В варианте, предназначавшемся для европейской аудитории, перед фамилией Тынянова добавлена атрибуция «русский литературовед»¹⁹; фраза: «Фольклористы зачастую отстаивают тезис о том, что между устной словесностью и литературой принципиальной разницы нет и что как в том, так и в другом случае перед нами несомненные продукты индивидуального творчества» (стр. 111–112 наст. изд.), – дополнена уточнением к «фольклористам»: «в особенности славянские, которые располагают, может быть, живейшим и богатейшим в Европе фольклорным материалом» [Богатырев, Якобсон 1971, с. 373]²⁰. А утверждение, что «в настоящий момент философское мировоззрение наивного реализма глубоко чуждо деятелям науки» (стр. 108 наст. изд.), снабжено едкой оговоркой: «(по меньшей мере там, где оно не стало катехизисом, неопровержимой догмой)» [Богатырев, Якобсон 1971, с. 369]²¹, мишенью которой, возможно, была и современная советская наука.

¹⁹ Ср.: «...in diesen Kunstformen findet, nach dem Ausdruck des russischen Literaturforschers Tyńanow, eine Umschaltung der Funktionen statt» [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 907].

²⁰ Ср.: «Die Folkloreforscher, insbesondere die slavischen, die vielleicht über das lebendigste und reichhaltigste Folklore-Material Europas verfügen, vertreten öfters die These, dass zwischen der mündlichen Dichtung und der Literatur kein prinzipieller Unterschied besteht, und dass wir in dem einen wie in dem anderen Falle mit unzweifelhaften Produkten des individuellen Schaffens zu tun haben» [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 903].

²¹ Ср.: «Mag die philosophische Weltanschauung des naiven Realismus den modernen Forschern (wenigstens dort, wo sie nicht zu einem Katechismus, zu einem unumstößlichen Dogma geworden ist) vollkommen fremd sein» [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 900].

Между тем, говоря о расхождениях между оригинальным русским текстом и переводным, следует иметь в виду еще два опосредующих их обстоятельства. Во-первых, перевод для сборника работ Богатырева был сделан не по первой публикации немецкого текста статьи (в фештшрифте в честь голландского профессора Й. Схрайнена, 1929), а по второй (в собрании трудов Р. Якобсона, 1966), которая упоминается в редакционном примечании как «исправленное издание» [Богатырев, Якобсон 1971, с. 369]. Нам неизвестно, сам ли Якобсон занимался подготовкой этой статьи к републикации, однако сравнение двух немецких текстов действительно позволяет увидеть последствия редактуры. Изменений не очень много, более или менее заметных (замена слова или группы слов) не более двух десятков. Тем не менее они есть, что определило дополнительные расхождения между оригинальной и переводной версиями. Например, пресловутая «эквивокация» сохраняется авторами в немецком тексте, но на пути к обратному переводу Огибенина исчезает в «якобсоновской» редакции (ср.: «Es wäre eine Äquivokation, wollte...» [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 910] – «Es wäre zweideutig wollte...» [Jakobson, Bogatyrev 1966a, S. 13]. Во второй редакции немецкого текста (и, соответственно, в русском переводе) статьи не упоминается Виктор Шкловский, при этом его тезис о появлении сходных сюжетов «в силу общих законов художественной композиции» остался на своем месте (ср. стр. 120 наст. изд. и [Богатырев, Якобсон 1971, с. 381]; ср. также: [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 911] и [Jakobson, Bogatyrev 1966a, S. 13]).

Во-вторых, некоторые изменения появились в статье на самом последнем этапе этой непростой истории – при переводе немецкого текста в «якобсоновской» редакции на русский язык. Такие случаи, правда, единичны. В частности, эффектная цитата из В.Ф. Миллера (и сопровождающая ее ссылка), приведенная в оригинальном русском тексте и сохранявшаяся в обеих немецкоязычных публикациях [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 903; Jakobson, Bogatyrev 1966a, S. 5]. Фрагмент из статьи: «В.Ф. Миллер так и пишет по поводу фольклорных сюжетов: “Кем они были измышлены? Коллективным творчеством массы? Но ведь и это фикция, так как человеческий опыт такого творчества никогда не наблюдал” (стр. 112 наст. изд.) в публикации 1971 г. выглядит так: «Всеволод Миллер считал коллективное творчество масс фикцией, потому что, полагал он, человеческий опыт никогда не наблюдал такого творчества» [Богатырев, Якобсон 1971, с. 375]).

При всем этом, повторимся, расхождения между двумя русскими текстами статьи немногочисленны и незначительны, иногда целые предложения совпадают слово в слово – Борис Огибенин

выполнил перевод безупречно даже по отношению к неизвестному ему русскому источнику немецкого оригинала, со второй редакцией которого он фактически имел дело.

5. Русский текст статьи как публикация

Русский текст статьи П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона «Фольклор как проявление коллективного творчества» публикуется по машинописи с учетом (и без отражения) всех рукописных авторских помет: дополнений, изъятий, замен и перестановок. Пунктуация источника воспроизводится без изменений, за исключением двух случаев, в которых на месте точки в конце вопросительного предложения, стоящей в автографе, в публикации поставлен знак вопроса (стр. 110 и 111 наст. изд.), что соответствует не только смыслу и пунктуационным правилам, но и немецкоязычной версии текста. Написание отдельных слов, расходящееся с современной орфографической нормой (диллетант, пиэтет), приведено в соответствие с ней. Не используемое в современной публикационной практике сокращение *т.наз.* во всех случаях передано полными словами. Ссылки на чужие и собственные работы, приводимые авторами статьи в постраничных сносках, уточнены и дополнены (добавленные данные приведены в квадратных скобках). В публикации статьи переданы авторские машинописные подчеркивания.

В Приложении 1 приведены заметки Ю.М. Соколова, оставленные им на полях машинописи. Фрагменты статьи, к которым относятся эти маргиналии, продублированы, и в них воспроизведены подчеркнутые, сделанные Соколовым.

Приложение 2 включает факсимильные воспроизведения трех страниц машинописи статьи, содержащих некоторые авторские рукописные добавления и маргиналии Соколова; редакционного примечания, написанного Соколовым от руки на отдельном листке; и листа с рабочим вариантом оглавления журнального выпуска, в котором предполагалась публикация статьи.

Благодарности

Мы безмерно благодарны С.Ю. Неклюдову, А.Б. Ипполитовой, Г.А. Левинтону, Е.Е. Левкиевской, Е.С. Неклюдовой, А.А. Сенькиной, И.О. Ермаченко, М. Дос Сантос, чьи соображения, советы, библиографическая, текстологическая и архивная помощь были чрезвычайно важны для работы над этой публикацией.

Acknowledgements

We are immensely grateful to S.Yu. Neklyudov, A.B. Ippolitova, G.A. Levinton, E.E. Levkievskaya, E.S. Neklyudova, A.A. Senkina, I.O. Ermachenko, M. Dos Santos, whose thoughts, advice, bibliographic, textual and archival assistance were extremely important for the work on this publication.

Литература

- Бахтина 2000 – *Бахтина В.А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых: Достоинство и превратности научного знания. М.: Наследие, 2000. 334 с.
- Бахтина 2015 – *Бахтина В.А.* Прага – Москва: Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора / отв. ред. С.П. Сорокина, Л.В. Фадеева. М.: Государственный ин-т искусствознания, 2015. С. 318–386.
- Богатырев, Якобсон 1931 – *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения // *Lud słowiański. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii słowian.* 1931. Т. 2. No. 2. S. 229–232.
- Богатырев, Якобсон 1971 – *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
- Богатырев, Якобсон 2006 – *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора: Малоизвестные и неопубликованные работы / сост., вступ. ст. и коммент. С.П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 118–120.
- Иванова 1997 – *Иванова Т.Г.* Государственная академия художественных наук и ее роль в истории русской фольклористики 1920-х годов // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 52–59.
- Иванова 2009 – *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX в.: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.
- Лурье 2016 – *Лурье М.Л.* «Современный фольклор» и «Варианты “Кирпичиков”»: из истории советской фольклористики // *Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова* / сост. М.В. Ахметова, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова. М.: Форум, 2016. С. 265–327.
- Неклюдов 1999 – *Неклюдов С.Ю.* Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования // *Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник материалов научно-практической конференции* / сост. В.Е. Добровольская; отв. ред. А.С. Каргин. М.: ГРЦРФ, 1999. Вып. 3. С. 54–62.

- Поливанов 1993 – *Поливанов К.М.* Р.О. Якобсон: Письмо Г.Г. Шпету // *De Visu*. 1993. № 1 (2). С. 9–10.
- Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.
- Смолицкий 1994 – *Смолицкий В.Г.* Предисловие // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сборник документов / сост. Е.Д. Гринько и др. М.: ГРЦРФ, 1994. С. 4–18.
- Соколов 1931 – *Соколов Ю.* Фольклористика и литературоведение // Памяти П.Н. Сакулина: Сборник статей. М.: Никитинские субботники, 1931. С. 280–289.
- Якименко 2005 – *Якименко Ю.Н.* Из истории чисток аппарата: Академия художественных наук в 1929–1932 гг. // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12). С. 150–161.
- Bogatyrev, Jakobson 1929 – *Bogatyrev P., Jakobson R.* Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens // *Donum Natalicium Schrijnen: Verzameling van Opstellend door Oud-leerlingen en Bevriende Vakgenooten opgedragen aan Mgr. Prof. Dr. Jos. Schrijnen Bij Gelegenheid van zijn zestigsten verjaardag, 3. Mei 1929.* Nijmegen; Utrecht: N.V. Dekker & Van de Vegt, 1929. S. 900–913.
- Jakobson, Bogatyrev 1966a – *Jakobson R., Bogatyrev P.* Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens // Jakobson R. *Selected writings*. In 6 vol. (1971–1985). Vol. 4: *Slavic Epic Studies*. The Hague; Paris: Mouton & co., 1966. P. 1–15.
- Jakobson, Bogatyrev 1966b – *Jakobson R., Bogatyrev P.* К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения // Jakobson R. *Selected writings*. In 6 vol. (1971–1985). Vol. 4: *Slavic Epic Studies*. The Hague; Paris: Mouton & co., 1966. P. 16–18.
- Jakobson, Bogatyrev 1980 – *Jakobson R. and Bogatyrev P.* Folklore as a Special Form of Creation / transl. by J.M. O'Hara; intr. by F.J. Oinas // *Folklore Forum*. 1980. Vol. 13. No. 1. P. 1–21.

References

- Bakhtina, V.A. (2000), *Fol'kloristicheskaya shkola brat'ev Sokolovykh: Dostoinstvo i prevratnosti nauchnogo znaniya* [The folklore school of the brothers Sokolov. Advantages and vicissitudes of scientific knowledge], Nasledie, Moscow, Russia.
- Bakhtina, V.A. (2015), "Prague – Moscow. Letters from P.G. Bogatyrev and R.O. Jakobson to B.M. and Yu.M. Sokolov", in Sorokina, S.P. and Fadeeva, L.V., eds., *Funktsional'no-struktural'nyi metod P.G. Bogatyreva v sovremennykh issledovaniyakh fol'klora* [Functional-structural method of P.G. Bogatyrev in modern folklore research], State Institute of Art Studies, Moscow, Russia, pp. 318–386.

- Bogatyrev, P.G. and Jakobson, R.O. (1929), "Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens", in Teeuwen, St.W.J., ed., *Donum Natalicium Schrijnen: Verzameling van Opstellen door Oud-leerlingen en Bevriende Vakgenooten opgedragen aan Mgr. Prof. Dr. Jos. Schrijnen Bij Gelegenheid van zijn zestigsten verjaardag, 3. Mei 1929*, N.V. Dekker & Van de Vegt, Nijmegen; Utrecht, Netherlands, pp. 900–913.
- Bogatyrev, P.G. and Jakobson, R.O. (1931), "On the problem of demarcation between folklore and literary studies", *Lud słowianski. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii słowian*, vol. 2, no. 2, pp. 229–232.
- Bogatyrev, P.G. and Jakobson, R.O. (1971), "Folklore as a special form of creation", in Bogatyrev, P.G., *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Issues in the theory of folk art], Iskusstvo, Moscow, USSR, pp. 369–383.
- Bogatyrev, P.G. and Jakobson, R.O. (2006), "On the problem of demarcation between folklore and literary studies", in Bogatyrev, P.G., *Funktsional'no-struktural'noe izuchenie fol'klora: Maloizvestnye i neopublikovannyye raboty* [Functional-and-structural study of folklore: Little-known and unpublished works], Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 118–120.
- Ivanova, T.G. (1997), "State Academy of Artistic Sciences and its role in the history of Russian folklore studies of the 1920s", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 52–59.
- Ivanova, T.G. (2009), *Istoriya russkoi fol'kloristiki XX veka: 1900 – pervaya polovina 1941 gg.* [History of Russian folkloristics of the 20th century: 1900 – first half of 1941], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Lurie, M.L. (2016), "'Modern folklore' and 'Variants of Bricks': from the history of Soviet folklore", in Akhmetova, M.A., Petrov, N.V. and Khristoforova, O.B., comps., *Genius Loci: Sbornik statei v chest' 75-letiya S.Yu. Neklyudova* [Genius Loci: Collected articles in honor of the 75th anniversary of S.Yu. Neklyudov], Forum, Moscow, Russia, pp. 265–327.
- Neklyudov, S.Yu. (1999), "Russian folkloristics and structural-semiotic studies", in Dobrovol'skaya, V.E., comp. and Kargin, A.S., ed., *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyyi mir* [Slavic traditional culture and the modern world], vol. 3, State Republican Center of Russian Folklore, Moscow, Russia, pp. 54–62.
- Polivanov, K.M. (1993), "R.O. Jakobson. Letter to G.G. Shpet", *De Visu*, vol. 1, no. 2, pp. 9–10.
- Putilov, B.N. (1994), *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Smolitskii, V.G. (1994), "Preface", in Grinko, E.D. et al. (comps.), *Fol'klor Rossii v dokumentakh sovetskogo perioda 1933–1941 gg.: Sbornik dokumentov* [Russian folklore in documents of the Soviet period 1933–1941: Collected documents], State Republican Center of Russian Folklore, Moscow, Russia, pp. 4–18.

- Sokolov, Yu. (1931), "Folklore and literary studies", in *Pamyati P.N. Sakulina: Sbornik statei* [In memory of P.N. Sakulin: Collected articles], Nikitinskii subbotniki, Moscow, USSR, pp. 280–289.
- Yakimenko, Yu.N. (2005), "From the history of purges of the Communist Party: The Academy of Artistic Sciences in 1929–1932", *The New Historical Bulletin*, vol. 1, no. 12, pp. 150–161.
- Jakobson, R.O. and Bogatyrev, P.G. (1966), "Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens", in Jakobson, R., *Selected writings, in 6 vol. (1971–1985), vol. 4: Slavic Epic Studies*, Mouton & co., The Hague, Netherlands, Paris, France, pp. 1–15.
- Jakobson, R.O. and Bogatyrev, P.G. (1966), "On the problem of demarcation between folklore and literary studies", in Jakobson, R., *Selected writings, in 6 vol. (1971–1985), vol. 4: Slavic Epic Studies*, Mouton & co., The Hague, Netherlands, Paris, France, pp. 16–18.
- Jakobson, R.O. and Bogatyrev, P.G. (1980), "Folklore as a special form of creation", *Folklore Forum*, vol. 13, no. 1, pp. 1–21.

Информация об авторе

Михаил Л. Лурье, кандидат искусствоведения, доцент, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4;

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; 191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1А; mlurie@inbox.ru

Information about the author

Mikhail L. Lurie, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; 4, Makarova Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034;

European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia; 6/1A, Gagarinskaya St., Saint Petersburg, Russia, 191187; mlurie@inbox.ru